

Содержание

Глава 1. АЛЫЕ БУСЫ.....	5
Глава 2. ВЕДЬМИНО ДОБРО.....	38
Глава 3. ЗЕЛЁНЫЕ СВЕЧИ.....	80
Глава 4. ЗМЕИНЫЕ ТРОПЫ.....	121
Глава 5. ТЁМНЫЙ УЗЕЛ	162
Глава 6. ВОРОНЬИ ПЕРЬЯ.....	192
Глава 7. ОЧИЩЕНИЕ.....	227
Глава 8. РУСАЛОЧЬЯ ПАМЯТЬ	281
Эпилог	307

Глава 1

АЛЫЕ БУСЫ

Месяц хищно разинул над самым горизонтом болезненную жёлтую пасть, тщетно пытаясь ухватить за белый бочок хоть одно пролетавшее мимо облачко. Только облака боязливо жались к небесному куполу, убегали от алчного зёва, уступив место серебряным звёздам. Последние закатные лучи плясали на мелких гребешках реки, что, почуяв резкий поворот маршрута на излучине, старалась как можно скорее преодолеть изгиб, мягко обогнуть прозрачным хребтом илистое дно берега. Вечер мягко наваливался на лес и берег, сгущал тени в густых кронах прибрежных ив.

Жители Покровки излучину недолюбливали: матери не пускали сюда ребяташек нырять да рыбу удить, девки не приходили стирать. Поговаривали, что нехорошее место эта излучина. Была тут раньше мельница, когда река была поноровистей, поглубже и пошире, да сгорела. С чего сгорела, сама ли, поджёл ли кто, так и не выяснили, но странным то было. Говаривали, мельникова дочка с нечистым зналась: ведьмой слыла, на шабаши летала. Могла и навре-

дить кому, было у неё много недоброжелателей — такова уж ведьминская судьбина. Мельник с семьёй так и помер, с тех пор считалось это место проклятым. Лишь ребяташки да парни, чтоб показать удал молодецкую, похрабриться перед товарищами или сельскими красавицами, приходили сюда ночью, да только сказывали потом, что слышали голоса нечеловеческие из зарослей камыша да стоны со стороны реки. И никто не поднимал их на смех, верили, что так и было. Вдруг ведьма так и не упокоилась, вдруг родичей своих в нечисть обратила?

Но Любашу рассказы деревенских не страшили.

Лес уже готовился ко сну, надевал ночную мглу, облачался в сумрак. Любаша шла быстро, стараясь ступать как можно тише, и, как птичка, заслышав любой шорох, беличий взлёт по стволу вверх или упавшую со старого дуба веточку, замирала в страхе. Пристально всматриваясь в извилистую, такую знакомую днём и родную с детства, но ставшую в сумерках жуткой тропу, девушка задерживала дыхание, боясь, что вот-вот из-за мшистой кочки высунется рука Лешего, похожая на размокшую от сырости корягу, покрытая корой и мелкими полупрозрачными несъедобными грибами, что растут на болотах. Зацепит страшная рука сучковатыми пальцами подол рубашки, наматает косу на бугристую кору, и поминай как звали. Станет Любаша Лешачьей женой, будет верховодить зайцами, кликать по весне птиц, чтоб гнездились именно в её лесу, да стращать путников.

Сказывали, горькое житьё у жены Лешего: будешь в норе жить, росу пить, кору да коренья есть. Обрастёшь мхом да травой-муравой, волосы станут ивовыми прутьями, очи — орехами лесными, ноженьки — корягами гнилыми.

— Чур меня, — прошептала девушка, когда ухнул где-то далеко вверху, в потемневших кронах, филин, разнесло эхо по всему лесу его тревожный, зычный зов.

Но никакая оторопь не могла разжать трясущейся Любашиной ладошки, где покоились стебельки богородской травы, кудряка, завязного корня, могущника... Много всего сказала нарвать бабушка, да так, чтобы матушка не знала ни о травах, ни о том, что Любаша выходила в ночь. И Любаша обошла ввечеру все холмы, все ложбины, собрала всех нужных травок по чуть-чуть. Главное дело, травки рвать нужно, не резать — железо холодное всё колдовство загубит. И саднили теперь Любашины персты, кровка капельками ладошку оросила, но не чуяла Любаша боли, шла вперёд, твёрдо смотря под ноги, не дай господи в болото упасть.

Не любила матушка стариковских разговоров, кричала, что ересь это, грех на семью старушка нагоняет, негоже колдовское да нечистое поминать, да ещё и внучке голову морочить. Но Любаша всегда любила бабушкины сказы, пусть подчас и казались они жуткими, страшными. Рассказывала вот вчера старая Матрёна, когда матушка ушла к отцу Власу

за наставлениями, что умирала в соседней деревне бабка одна. Нехорошая слава о ней ходила, да что ни вечер частили к ней девки да молодухи, кто за зельем, чтоб молодца приворожить, кто за травками, чтоб плод скинуть. А как бабка помирать решила, так сразу ополчились всем скопом: дескать, ведьма она была, уходить тяжёло будет, коли дар никому не передаст. И перестали к бабке ходить: кто мимо дома её ни пройдёт — все на бег сбиваются. Никто не хотел бабкин дар перенимать, душу бессмертную губить, с чертями знаться, а по поверью, кто последний воды принесёт умирающей, тот и станет следующим колдуном. И видели бабы, как у неё в окнах тени чёрные мечутся, спешно уводили с улицы детей, тянули в сараи коз да овец. И от полнолуния до полнолуния лежала старуха одна в доме на лавке, металась и била кулаком в стены. А как ночь спускалась, было слышно по всему селу, как выла и проклинала всех, на чём свет стоит. И пока не собрались все деревенские мужики да не пробили той бабке дыру в крыше, пока не отворили все двери да окна, мучилась она, кричала, сердешная, раздирали бесы её душу так, будто она уже в аду горит...

Любаша зябко повела плечами, сотворила крест. Негоже думать об ужасе таком впотьмах, да ещё и в лесу. Как нечистого вспомнишь, так вот и он, за спиной стоит, лёгок на помине. Помнила Любаша, что нельзя оглядываться, что бы ни чудилось за спиной, кто бы ни звал. Хоть мать родная закричит, хоть

чудовище голосом адским завоет, идти нужно лишь прямо, упаси боже повернуться.

Нужно бежать домой, да поскорее. Осталось всего лишь сорвать осотницу, чьи напоминающие острый нож листья взмывают к небу с тёмного прибрежного дна, да обернуть травы белой тряпицей, положить под подушку и произнести слова, которым научила бабушка. Только вот осотницу рвать нужно непременно ввечеру или ночью, а как сорвёшь, бежать от берега, не оборачиваясь, пусть будет погоня казаться, кикиморы лапы тянуть станут... Любит нечисть народ стращать, слаще мёда ей людской испуг.

А вот и она, осотница, тянет острия к месяцу, едва видна у кромки берега, темны её ножи в сумерках.

Ноги сами вынесли Любашу к бережку, где над водой развесила косы ива. В неверном закатном сиянии девушке показалось, что между ветвяных прядей мелькнуло тонкое девичье личико, нежные мелкие листики погладила хрупкая бледная рука, даже послышался будто тихий смешок. Кикимора ли это? Любаша от страха попятилась, вскрикнула, зажав рот, чуть не выронив травки... Но ветер зашевелил ивяные кудри, никого среди них не оказалось.

— Страсти-то какие чудятся, прости господи, — прошептала девица, перекрестившись двумя перстами и подавив порыв бросить взгляд за спину.

Любаша приподняла подол рубашки и сделала шаг к самой кромке воды. Влага охладила раз-

горячённые ступни, запела, заплясала вокруг белой кожи. Девушка наклонилась над водой, потянулась было к режущим листьям осотницы да вспомнила, что и тут поджидает опасность: в прибрежных водах в ясные ночи греются в лучах месяца русалки. Сейчас солнышко совсем спрячется за горизонтом, наберёт силу месяц, начнёт дарить серебристое свечение речным водам. Вот тогда и поднимаются русалки со дна, смотрят печальными глазами на своё русалочье солнце да поджидают тех, кто ночью оказался возле реки. Не дай бог тому человеку попасться им на глаза: обхватят его русалки ледяными руками, обовьют пропахшими тиной волосами и утащат на речное дно... Мужскому роду тогда прямая дорога в утопленники, век на дне коротать станешь, раков пасти да рыбы косяки гнать с места на место — невеликая участь. А девицы русалками становятся. Быть тогда Любаше одной из них, глазеть ночами на луну, губить тех, кто пришёл ночью за травами на берег.

От русалок у Любаши имелась булавка, воткнутая в рукав: бабушка говорила, что только к тебе русалка из реки руки свои зелёные потянет, так сразу надо её этой булавкой колоть. Не любят речные девы железа, больно им, когда оно пронзает их прозрачную плоть. Любаша спешно отколола булавку, зажала в пальцах — пусть только попробует её кто-то утащить.

Опустив руку в воду, Любаша потянула листья вверх. Но растение не поддавалось, крепко держала река свой урожай. Любаша схватилась за гладкий

стебель и второй рукой, а булавка возьми да выскользни из мокрых пальцев, упокоилась где-то на песчаном дне. И в этот самый момент совсем рядом с Любашиной рукой вода забурлила, запенилась, и сильная, влажная ладонь схватила девушку за запястье. Любаша вскрикнула, попятилась назад, но рука сжималась всё сильнее, ледяная, бледная в сумеречном холодном свете.

Любаша закричала, забилась, как пташка в силках. Сквозь чёрную, бурлящую воду внизу виднелись искажённые лица, ещё чуть-чуть и силы совсем оставят, и полетит Любаша вниз, утянут её к Водяному мёртвые ладони...

Резкий рывок назад, тёплые сильные руки на плечах.

— Любанька, а ну-ка домой. Я уже и лог исходил, и к Стешке зашёл, нигде тебя нет. Что у реки забыла?

Любаша вцепилась в Данилину рубашку, уставилась на такие знакомые узоры (сама вышивала, яркие цветы на ткани распустились) да закусила губу, чтобы не разрыдаться:

— Данилушка, я за осотницей пришла...

Брат посмотрел строго да лишь покачал головой:

— Ох уж эти байки бабки Матрёны. Так я и подумал, что пошла за травой в лес, смотри чтоб мать не узнала, — Данила скрестил руки на груди, неодобрительно разглядывая сестру,

зажавшую в мокрых ладошках пучок чего-то цветущего и пахнущего. — А я смотрю, склонилась над берегом и что-то вытащить из реки пытаешься, небось силушек не хватает. Что тебе сорвать, показывай давай да домой пойдём. Я матери сказал, что провожу тебя до дому от Стешки, но скоро нас обоих хватятся.

Боясь подойти к берегу, Любаша пальцем указала на осотницу. Данила легко вырвал с корнем опасную речную траву, вытер руки о прибрежную мураву.

— Нечего по лесам ночью шастать, бабка наша уже слаба умом стала, лепечет глупости. А ты тоже хороша, наслушалась баек и рада из себя ведунью строить...

Шагая позади, брат тихим шёпотом укорял и бранил неразумную сестру, но Любаша едва его слушала. Главное не оглядываться, так нужно, чтобы подействовало ведунство. Иначе все труды насмарку, придётся снова ввечеру в лес идти, по лугам рыскать, осотницу опасную из реки вытаскивать...

Да только всё не напрасно, всё то к добру. Вот она пронесёт травы мимо матери, положит под подушку и увидит во сне своего суженого. Даже к ведьме Лукерье не надо ходить, пусть она и рассказала Любашиной подруге Степаниде всё о будущем муже, да так ловко, нельзя не поверить. Но боязно к Лукерье ходить, чёрная она, как говорит бабушка, с чертями водится. А про бабушку Матрёну говорили, что добрая она, светлая знахарка — травы

знает, зубы заговорить может, испуг дитю отольёт. Приходили к ним иногда сельские, когда матушки дома не было. Матушка шибко на Матрёну ругалась, коль прознавала, что та людям помогала, говорила, бесов бабка прикармливает. Потому и ходили к ведьме Лукерье люди чаще, боялись на Федотин гнев нарваться. А Любаша всегда с радостью наблюдала, как бабушка Матрёна молитвы над младенчиком читает, лихорадку заговаривает.

Правда, Стешка рассказывала, что чертей в избе у Лукерьи не увидела. Даже сказала, понравилось там ей: тихо, чисто, травы под потолком развешаны, пахнет дымом и шиповником. Только два кота страшных у Лукерьи, ходят за ней везде, очами огненными сверкают. Один чёрный, как смоль, другой рыжий, как Лукерьины волосы. Лукерья сказала котов не трогать, отвара Стешке налила, выслушала внимательно да погадала. И оплату взяла всего-то кувшином сливок да утренними яйцами, чего не сходить-то. Но боялась Любаша. Да и бабушка бы не одобрила, коль прознала, что к чёрной внучка отправилась. А про матушку и говорить нечего...

Девца очень надеялась, что ночью она увидит сына здешнего купца Савелия. Савелий был самым завидным женихом, все девки грезили хоть рядком с ним пройтись от колодца до своих ворот, уже не говоря о чём-то большем. Но Савелий не смотрел ни на кого из красавиц, поговаривали, что есть у него невеста, да не из местных, а из соседнего села, а мо-

жет, даже и из города. Что ж, пусть и не Савелий, подумалось Любаше, пусть и не он, а кто-то другой, но чтоб добрый, ласковый был, любил её да хранил пуще зеницы ока. Подумалось, и сердце заколотилось быстро-быстро, кольнуло больно.

— Любка, ты оглохла, что ли? Говорю тебе, травы свои в подол замотай, раз уж набрала. Знаю же, коль накажешь выбросить, так завтра за новыми пойдёшь, — Данила вздохнул, наверняка ещё и головой осуждающе покачал. Пусть Любаша этого и не видела, но повадки брата знала. — Коли мимо матери пронесёшь, делай с ними что хочешь, хоть зелье вари, но ей не показывай, а не то совсем со свету сживёт, поняла?

Это Любаша знала и без Данилы. Узнай матушка, что дочка ходила за колдовскими цветами в лес да к реке, начнёт стращать адским пламенем и отцом Власом. А уж если отец Влас о чём-то подобном прознает, так хоть вешайся: накажет Псалтирь читать, епитимью наложит, на всенощные ходить заставит. А матушка только поддакивать будет, скажет, что по греху наказание, можно было бы и строже. Она вообще всегда ему поддакивала, что бы он ни говорил.

Что-то зачастила матушка в церковь ходить к отцу Власу. Она и раньше набожная была, воцерковленная, не дай бог в пост оскоромиться или слово худое сказать, но в церкви бывала редко. А как в приход перевели отца Власа, так почувала она в нём

